

8. *Тоталитарный культурно-цивилизационный тип* возникает в результате углубления глобального цивилизационного кризиса после Первой мировой войны как попытка его разрешения. Здесь формируется уникальный эйдос – идеодицея, развертывающаяся в специфическом пространстве политико-идеологического ритуала, который опирается на партию как институт обновления, нарративно-утопический социокод и мощную семиотическую телесность политической мифологии, что позволяет развернуть эффективные тоталитарные идеологические технологии, подчиняющие себе по принципу антисистемности весь предшествующий цивилизационно-технологический базис, включая и технологии повседневной жизни. Это закрыто-цетробежные, замкнуто-маргинальные, неустойчиво-статичные, гипердинамичные монологичные антисистемы, жизнедеятельность которых определяется безвекторностью пространственной локализации и стремлением реализоваться на любом природном и культурном ландшафте. Искусственное воспроизводство неустойчивости в этих системах определяет ее и временную безвекторность. В зависимости от выбранной семотической системы для тоталитарной трансформации (консервативный или прогрессистский проект) мы можем получить как ориентацию на прошлое в ущерб настоящему и будущему, так и на будущее – в ущерб настоящему и тому же будущему (фашистский и коммунистический варианты). К этому типу, разумеется, относятся как классические системы тоталитаризма в Италии, России, Германии, так и периферийные в Китае, во Вьетнаме, на Кубе и в других регионах мира. Сюда же следует поместить и культурные архетипы некоторых антисистемных социокультурных образований (современные нетрадиционные религиозные секты, террористические партии, фундаменталистские движения, преступные субкультуры как маргинальные элементы в цивилизационных системах).

9. Складывающаяся культурно-цивилизационная система на рубеже XX и XXI столетий (пока определяется в терминах «постиндустриализма», «посттоталитаризма», «постмодернизма» и т.п.), которая и определит в ближайшем будущем глобальные культурно-исторические сдвиги. В качестве эйдоса можно предположить *культуроодицею* как базисный элемент.

Таким образом, тоталитарная культурно-цивилизационная система и родственные ей социокультурные формообразования представляют некую маргинальную, промежуточную, историческую мутацию. На протяжении человеческой истории культурно-цивилизационные мутации и переходные формы встречались неоднократно. Но именно классический тоталитаризм XX века, возникший из наложения и причудливой трансформации в одном культурном хронотопе нескольких технологических базисов и семиотических систем, представляет культурно-цивилизационного антисистемного «кентавра».

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА

Е.Е. Тонков

Российское общество переживает сложный период, связанный с тем, что до недавнего времени наше государство предпринимало решительные намерения по обретению статуса правовой державы. Апофеозом этого действия стало принятие России в Совет Европы, видимо, с большим авансом и из уважения к нашему бывшему могуществу. Однако сколько бы

мы ни пытались рядиться в белые одежды, их материя продолжает оставаться настолько непрочной, что постоянно подводит нас, высвечивая в самых неприглядных местах реальное существо очевидного фарса.

Проведенный нами социологический опрос дал настолько ошеломляющие результаты, что сама постановка вопроса о том, является ли наше государство правовым по своей сути, показался многим респондентам просто неуместным. Из 580 жителей г. Белгорода считают Россию правовым государством только 8,2%. Среди 465 опрошенных сельских жителей такие ответы дали 10,5%. Невольно возникает вопрос, а понимают ли респонденты, о чем их спрашивают, имеют ли они представление о том, каким должно быть правовое государство. Оказывается, имеют, так как около 60% наших сограждан считают, что правовое государство дает возможность человеку обеспечить реализацию своих конституционных прав законными средствами. Думается, небезынтересно и мнение главы администрации Белгородской области Е.С. Савченко, назвавшего нашу страну «криминально-олигархическим государством» (см.: Белгородская правда. – 1998, 27 ноября).

В самом деле, является ли российское государство правовым? Еще совсем недавно многие политики и даже ученые предлагали подходить к этому вопросу с точки зрения формальной логики. В стране есть конституция, провозгласившая общечеловеческие ценности, есть Президент, являющийся ее гарантом... Так чего же еще надо? Чем государство-то неправовое? Свобода слова имеется, до политических репрессий пока нешло. Вроде бы можно жить и радоваться, только почему-то не у всех получается. Что-то мешает наслаждаться привилегиями своих многочисленных прав, которых не имеют прочие обездоленные страны, не являющиеся членами Совета Европы.

Искаженный характер развития рыночных отношений обусловил очевидную криминализацию общества, сопровождаемую регрессом нравственно-духовной среды и процветающим правовым нигилизмом. Приоритетная ценностная ориентация «на богатство», объявленная в свое время правительством псевдореформаторов при поразительном попустительстве верховной власти, не подкрепленная взвешенной и выверенной идеологией, привела к таким перекосам в общественном сознании, что самым популярным образом стала физиономия лавочника.

Наиболее уважаемыми гражданами, почетными гостями организаций и фестивалей, завсегдатаями презентаций и форумов стали так называемые спонсоры. С распростертыми объятиями встречают их различные учреждения, начиная от обнищавших больниц и заканчивая правоохранительными структурами, также переживающими не лучшие времена. Спонсоры лихо разъезжают в автомобилях с «неприкасаемыми» номерными знаками, беспрепятственно проникают в органы законодательной и исполнительной власти, проповедуя торгашеское отношение к праву и проверяя его крепость величиной своего кошелька. Приобретая статус фетиша, деньги открывают их обладателям любые двери и создают поистине неограниченные возможности, которые часто не в состоянии ограничить даже закон.

Идеал личного обогащения фактически официально утверждается в качестве всеобщего мерила ценностей, постепенно окрашивая собой всю общественную психологию. Словно вирусная инфекция, он проникает в сознание населения, подменяя не только заповеди Христа, но и обесценивая все прочие морально-нравственные устои. Персональный успех в достижении материального благополучия становится чуть ли не высшим благом. Общественно значимыми оказываются не собственно человеческие качества (порядочность, честность, доброта, ум и т.д.), а результат их использования в конкурентной борьбе. Богатство и власть представляются основными символами успеха в жизни, социальным свидетельством приспособленности человека к новому общественному порядку.

Государство действительно стало правовым, но только для избранных, теперь уже не по сословным признакам, а волей случая и вследствие наличия соответствующих моральных качеств (вернее, их отсутствия) у тех, кто оказался на эскалаторе удачи. Превалирующий на этой движущейся вверх «лестнице счастья» VIP-рассудок наделяет обладателей богатства не только элитарными правами, но и особой нравственностью. В результате формируется суррогат правового государства, склонного покровительствовать тем, кто распоряжается ценностями общества.

Попытки вступить даже в безобидный когнитивный конфликт немедленно пресекаются и расцениваются как посягательство на субординацию. Право на конструктивный конфликт с представителями чиновно-торгашеского клана не имеет каких-либо функциональных перспектив и грозит неосмотрительному смельчаку печальными последствиями. Приветствуется и поощряется экстернальный тип локализации (локуса контроля), при котором человек должен ощущать себя на континууме не созидателем, а лишь послушным исполнителем. Конформизм превращается в оптимальную модель поведения, обещающую среднестатистическому обывателю если не благополучное, то по крайней мере относительно безопасное существование.

По нашему мнению, подобное развитие событий носит тупиковый характер, что постоянно доказывают происходящие в стране социальные коллизии. Рассматривая их на фоне настойчивых и бесплодных фрикций по созданию правового государства для избранных на осколках российской империи, легко заметить, что их стимулирует конфликт по поводу властных позиций в обществе. Власть – это не абстрактное понятие, притягательное само по себе. По сути дела, она напоминает пресловутый ключ к железной двери за холстом в каморке старого шарманщика Карло, за которой открываются удивительные чудеса. Представляя собой асимметричное социальное отношение, власть неизменно даст личные преимущества тем, кто оказывается близок к ней, держит ее в своих руках. Властью определяется право на принятие авторитарных решений и использование мер принуждения при их реализации в отношении оппонентов в конфликтных ситуациях.

Очевидно, что регресс общества в последнее время фактически поощряется. В качестве основных элементов его ядра формируются иррационализм, упадок разума, отрицание права личности на собственное мнение, пренебрежение значением теоретической науки, отказ от анализа причинных связей в пользу необоснованных домыслов. Закономерным следствием этого является неприкрытый цинизм со стороны влиятельных политиков и бизнесменов. Признать открыто существование неправового государства очень неприятно, тем более при таком уровне ангажированности внутренней политики. Поэтому право на конфликт, приобретаемое каждым из нас в силу собственной конкретно-содержательной позиции, является возможным средством влияния на дальнейшее развитие общественных отношений. Процедура конфликта не обязательно может носить антагонистический характер и вполне в состоянии находиться в рамках деловой конструктивности.

К сожалению, функциональное значение конфликта достаточно часто отрицается. Теоретики идеологических основ современного общества пытаются изобразить мираж «равенства возможностей», который позволил бы создать у большинства населения обманчивое представление о том, что эгоистический интерес индивидуума, включенный в совокупность общих целей, дает в конечном счете необходимую социальную и нравственную гармонию, стихийное торжество общего интереса. Для подавления конфликтных проявлений применяется специфический арсенал санкций, выступающих в качестве детерминант нравственности. Социальная санкция, находящая свое практическое выражение в определенном поведении человека, может соответствовать или не соответствовать его моральной мотивации, провоцируя развитие внутриличностного конфликта. Не имея

реальной возможности оспорить применение социальных санкций, многие предпочитают не испытывать на себе жесткость их воздействия, избирая позицию морального лицемерия. С течением времени оно становится привычной нормой, закрепляется в общественном сознании, иллюстрируя общий кризис социальной системы.

В результате нестабильной социально-политической обстановки и явного паралича господствующей системы ценностей мы оказались не готовы к защите прежних эталонов своего поведения и тех идеалов, которые подверглись бесцеремонному разрушению. Следует откровенно признать, что мы не сумели сберечь те социально-нравственные и духовные ориентиры, которыми всегда так гордилась отечественная интеллигенция и которые так отчаянно, вплоть до самопожертвования, отстаивала в годы террора и репрессий.

Вместе с тем, именно интеллигенции в силу развитости ее духовного потенциала предоставлено право на конфликт с неправовой системой в целях совершенствования морального сознания общества и продвижения его на новый этап эволюции. Не случайно Данте в «Божественной комедии» самым мучительным испытанием для грешников называл подъем по нестандартным ступеням. По ним карабкается сегодня наше общество на фоне разрушения доверия к быстро меняющимся кумирам и искоренения веры в непогрешимость собственных сложившихся годами представлений. Отсюда и рождается благодатная почва для нетерпимости к чужому мнению, подмены аргументации предвзятыми оценками, роста приверженцев «силовых» методов решения проблем.

Осознав, что мы жили нереальными целями, мы пока не смогли найти достойных духовных эквивалентов утраченных иллюзий и миражей, не сумели заменить их адекватными по значимости идеалами, способными выполнить роль объединяющего фактора и стимула к прогрессивному движению. Эта задача требует своего решения, однако для этого необходимо создание в обществе новой морально-психологической ситуации. В противном случае духовно-нравственный кризис и неопределенность перспектив приведут нас в сети, умело расставляемые апологетами «твердой руки» и возврата в консервативное прошлое. В таких настроениях находит отражение имплицитное стремление человека избежать персональной ответственности за судьбу общества, перепоручив ее кому-то другому. Мы не должны трансформироваться в объект патронажной опеки со стороны внешней силы в виде власти, закона, религии и т.д. Не надо бояться конфликта и рассматривать его как негативный фактор. Еще Льюис Козер в 1956 г. отмечал, что конфликт возникает в результате попыток отдельных личностей или групп реализовать свои суждения. Он убедительно доказал, что существуют позитивные функции конфликта, которые имеют значение стимуляторов и движущей силы изменений, а в конечном счете служат уравниванию и стабилизации социальной системы (см.: Coser L. The Function of Social Conflict. N.Y., 1956. – P.42-45).

Поэтому реализация права на конструктивный конфликт, выступающая как ценностная парадигма для отдельных членов общества и угрожающая порой для них отрицательными последствиями, не только служит мерилем их самодостаточности, но и является неременным условием повышения общего уровня правового менталитета государства.

Важным фактором обеспечения конструктивного развития конфликта является специально организованный процесс управления антиконфликтной деятельностью. Его целесообразность обусловлена необходимостью решения педагогической задачи, сущность которой заключается в изменении направления конфликтогенной активности и перевода ее в функциональное русло. Несмотря на то, что в последние годы российские ученые обходят вниманием проблему конфликта, современное состояние исследований которой характеризуется многообразием методологических и процедурных подходов, приоритет ее изучения остается за социологическим и психологическим направлениями.

Нам представляется, что недооценка или вовсе пренебрежительное отношение к педагогическому аспекту конфликтологии существенно обедняет ее содержание и ограничивает социально-утилитарные возможности воздействия на конфликтогенную среду общества. Исследования, проведенные нами в ряде правоохранительных органов России и Украины, убедительно свидетельствуют о том, что отсутствие педагогической концепции управления конфликтами в правовой системе государства стало одной из причин прогрессирующего правового нигилизма тех институтов власти, которые сами призваны обеспечивать охрану права. Этот парадокс, неуправляемое развитие которого вскоре может стать подлинной трагедией для общества, нуждается в незамедлительном педагогическом вмешательстве. Наша позиция, основанная на долговременном изучении государственных правовых структур, получила теоретическое воплощение в учебном пособии «Конфликтология правоохранительной деятельности». Нельзя не отметить, что проведение исследования, лежащего в основе данной книги, протекало в чрезвычайно затруднительных обстоятельствах, связанных не только с закрытостью правоохранительных ведомств, но и поразительным упорством их руководителей, не желающих выносить «сор из избы». Пришлось столкнуться с мнением о том, что в правоохранительных организациях и между ними вообще отсутствуют конфликты.

Однако нам удалось доказать, хотя и ценой собственных моральных издержек, что в правоохранительных органах конфликтов даже больше, чем в других государственных структурах. Оказалось, что до 80% управленческих решений, принимаемых руководителями милицеских подразделений, являются поводами и основаниями для скрытых и явных конфликтов. Это происходит в силу подавляющего воздействия субординации, фактически исключающей свободный обмен мнениями, пресечением со стороны руководства попыток всяких дискуссий и обсуждений. Руководителей правоохранительных структур крайне недостаточно обучают основам социальной психологии и педагогическим методам управления конфликтами. Незнание форм и методов разрешения конфликтных противоречий, сопряженное с незыблемой уверенностью в собственной правоте, входит в комплекс выявленных нами причин, провоцирующих высокую текучесть кадров, постепенное размывание профессионального ядра, проявления криминализации, нарушений законности, грубое и невнимательное отношение к гражданам.

Упомянутые явления находятся в безусловной причинной связи с энергией воздействия правоохранительных органов на состояние и непосредственную организацию борьбы с преступностью в государстве. Вот почему разработка концепции педагогического управления конфликтами в правоохранительной системе не только представляется достаточно актуальной, но и имеет статус серьезной государственной и общественно значимой проблемы.

По мнению Л.А. Петровской, « в плане управления конфликтом наряду с его разрешением, предотвращением, ослаблением и т.д. следует также назвать симптоматику, диагностику, прогнозирование и контролирование конфликта» (Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. – М., 1977. – С.142). Она справедливо обращает внимание на то, что исследование конфликта, выявление его социально-психологических механизмов и закономерностей служит практическим целям управления конфликтом. В этой связи мы считаем возможным поставить вопрос о принципах педагогического управления конфликтами, о роли диагностики в определении сущности и направленности конфликтов, о необходимости проведения конфликтологической экспертизы правоохранительных органов, о разработке инновационной педагогической технологии использования позитивных функций конфликта для повышения эффективности деятельности правовой системы государства.

Без этого невозможно определить социально-педагогические условия управления конфликтами в правоохранительной системе, а следовательно, и обеспечить конструктивное разрешение возникающих конфликтных ситуаций, сформировать надежную основу технологии управленческих процессов.

Целью недооценивать значимость целей процесса управления и степень научной обоснованности их постановки. Педагогическая технология предполагает формулировку целей через прогнозируемые результаты управления. Цели в когнитивной сфере разрабатываются на разных уровнях (знания, понимания, синтеза, оценки). Определяющее значение при этом имеет содержание целей, направленных на устранение объекта конфликта или повышение уровня толерантности оппонентов. Реализация целей связана с разными видами и развитостью лабильности участников конфликта, адекватностью их реакций, усвоением и организацией ценностных ориентаций, распространением их на конфликтную деятельность. Достижение целей в таких условиях предполагает стремление к аннексии иного объективированного пространства и полностью исключает позицию невмешательства.

В этом смысле мы разделяем точку зрения Н.Е. Шурковой, рассматривающей технологию как «сумму научно обоснованных приемов педагогического воздействия на человека или на группу людей» (Шуркова Н.Е. Педагогическая психология. – М., 1992. – С.3). По ее мнению, педагогическое воздействие без учета индивидуальных особенностей воспитанников, характера и мастерства педагога, развития отношений в коллективе может свести педагогическую технологию на уровень манипулирования сознанием людей. К сожалению, в правоохранительных органах люди в погонах часто действуют «по-кавалерийски», методом проб и ошибок, от которых страдают не только отдельные граждане, но и общество в целом.

Ценность педагогической технологии определяется уровнем ее позитивного влияния на субъектов конфликта, непроизвольно формирующих в процессе конфликтной деятельности некий симбиоз. Консолидация противоположных элементов неизбежно адресует нас к проблеме субъекта потребностей. Полевые исследования дают веские основания полагать, что далеко не всегда личность сотрудника правоохранительных органов является субъектом профессиональных потребностей. Так, в милиции этот показатель не достигает и 60%. Потребность в профессиональном совершенствовании, повышении квалификации, служебного мастерства, нравственном саморазвитии нередко находится на недопустимо низком уровне, провоцируя развитие стагнационных процессов.

В декабре 1998 года в областном центре произошла трагедия. Милиционер К., сменившись с дежурства, не сдал табельное оружие, а поехал на работу к своей бывшей жене, с которой после развода проживал в одной квартире. После короткой беседы, закончившейся, очевидно, без ожидаемого им результата, К. приставил пистолет к своему виску и нажал на спусковой крючок. Надежное изделие конструктора Макарова не оставило милиционеру шансов на выживание. Последовавшая проверка показала, что проживавшие в одной квартире разведенные супруги постоянно скандалили. Более того, по словам бывшей жены К., он неоднократно угрожал ей убийством, избивал ее. Она вызывала милицию, жаловалась руководству буйного супруга, однако это не помешало его службе в органах правопорядка. Поразительное невнимание руководства к конфликтным взаимоотношениям в семье подчиненного стало основной причиной происшедшего. Руководитель несет ответственность за соблюдение сотрудниками высоких стандартов поведения и развитие у них этических критериев. Эта истина часто оказывается неудобной в правоохранительных органах, где мерилом всех ценностей выступает пресловутый процент раскрываемости преступлений, фетишизация которого порой достигает немислимых размеров.

Существенным просчетом организации управления конфликтами в правоохранительной системе является игнорирование так называемого корпоративного

климата подразделений, под которым подразумеваются особенности восприятия сотрудниками приоритетных задач учреждения. Осознавая, что руководителя беспокоит не фактическая правовая защищенность конкретного гражданина или общества в целом, а поддержание на должном уровне отчетных показателей о состоянии борьбы с преступностью, сотрудники вольно или невольно проникаются подобной ущербной психологией восприятия задач. Последствия таких процессов нередко испытывают на себе налогоплательщики. Справедливо полагая, что отчисляемые ими в бюджет средства дают право на защиту со стороны государства их морального и материального благополучия, они в некоторых случаях убеждаются в обратном.

Преступность значительно более широко распространена, чем свидетельствуют официальные статистические данные, что происходит по разным причинам. Во-первых, существует довольно значительная группа латентных преступлений, о которых правоохранительным органам длительное время может не поступать официальная информация (взяточничество, налоговые преступления, замаскированные хищения, наркомания). Во-вторых, не только в России, но и в других странах имеют место факты укрывания преступлений от учета. Так, в США выявлены случаи, когда полиция в целях создания более благоприятного впечатления о состоянии преступности скрывала обнаруженные преступления, а лица, находившиеся на выборных должностях, искусно манипулировали статистическими данными, чтобы продемонстрировать избирателям сокращение преступности в течение срока своих полномочий.

Мы не располагаем данными о реальном состоянии этой проблемы в России, хотя с уверенностью можем утверждать, что она существует. Не избежали статистической эквилибристики и правоохранительные органы других стран. Во время работы в центральном аппарате МВД Украины нам неоднократно приходилось участвовать в проведении комплексного инспектирования органов внутренних дел и при этом почти в каждом случае выявлялись факты недобросовестного отношения к регистрации преступлений. Мы считаем, что реальный объем преступности по крайней мере в два раза превышает данные статистики. К такому же выводу приходят и японские ученые. Общество вправе не только знать фактическое положение дел борьбы с преступностью, но и ожидает от правоохранительных органов защиты своих интересов. Это станет возможным только в том случае, если правовая система сбросит с себя привычную маску лицемерия и всерьез признает собственные проблемы, густо замешанные на конфликтах внутреннего толка. Подтвердив на деле гуманистические приоритеты правоохранительных органов, государство сможет вернуть себе утраченного союзника в лице собственного народа. Чем последовательнее будут приоритеты государства с точки зрения их практического осознания гражданами, тем больше вероятность того, что свою энергию они будут направлять для содействия достижению общих целей.

Вот почему при определении предпосылок для эффективного управления конфликтами в правоохранительной системе возникает потребность в создании инновационной педагогической технологии, основанной «на детальном, новом междисциплинарном знании человека и сугубо индивидуальном характере формирования каждого» (Шубинский В.С. *Философские подходы к педагогической теории // Советская педагогика. – 1992. – №12. – С.63*). Сегодня же, по ироничному выражению В.С. Шубинского, «многие педагогические воздействия можно сравнивать с операцией, которую делают не скальпелем, а тем более не лазером, а каменным топором» (Там же).

Рассматривая в перспективе теоретическое обоснование концепции педагогического управления конфликтами в правоохранительной деятельности, мы полагаем, что оптимальным вариантом разрешения конфликта является тот, который реализуется на основе принципов интеграции, системности, оптимизации процесса интерактивного взаимодействия и межличностных отношений его субъектов. Целостным объектом диагностики конфликта

должны выступать в единстве личность, деятельность, социальная среда, оказывающая интенсивное влияние на сферу профессиональных интересов, мотивов и потребностей сотрудников правоохранительной системы. И наконец, операциональный состав педагогической технологии управления конфликтами будет эффективным в том случае, если он отвечает идее стратометричности, включая общий, социально-педагогический, психолого-коррекционный и индивидуально-личностный уровни.

Современное развитие общества, характеризующееся опасным расширением зоны правового отчуждения населения и властных структур, вызывает насущную необходимость поиска новых технологий формирования личности, предъявляет качественно иной уровень требований к содержанию правоохранительной деятельности и носителям властных полномочий.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ БЕЗРАБОТНОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОДИАГНОСТИКИ

О.А. Гордилова

Безработица была официально «признана» в нашем обществе в 1990 году с принятием «Закона о собственности», в котором определены механизмы купли-продажи рабочей силы на формирующемся российском рынке труда, и в 1995 году – закона «О занятости населения в Российской Федерации», определившем статус безработного и государственный механизм содействия занятости населения. Если на 1.1.1996 г. не имели занятия 5,7 млн. человек, или 7,7% экономически активного населения, то к концу первого полугодия 1998 года численность не имеющих занятия составила 8,3 млн. человек, или свыше 11%, (см.: Занятость и безработица // Экономика и жизнь. – 1996. – №1. – С.11. Основные показатели деятельности органов государственной службы занятости в январе-июне 1998 г. // Стат. бюллетень. – М., 1998. – №6). Наиболее уязвимой оказалась молодежь. Удельный вес безработной молодежи в 1995 г. составил 40,9% на федеральном уровне и 42,2% – на региональном (см.: Положение молодежи в Российской Федерации: 1995 // Доклад Госкомитета по делам молодежи правительству Российской Федерации. – М., 1998). Проблема занятости молодежи сегодня выступает на поверхности явлений как отвержение молодежи обществом, имеющее негативные последствия как для молодежи, так и для общества. Однако исследования проблемы занятости молодежи носят в основном постановочный характер и освещаются с точки зрения социальных последствий.

Вместе с тем, непрерывный рост молодежной безработицы выдвигает проблему повышения эффективности регулирования занятости молодежи. В настоящее время неэффективность регуляции связана с отсутствием должной целенаправленности регулятивных воздействий, недостаточным уяснением диспозиций и поведенческих структур объекта регуляции, т.е. отсутствием оперативной системы социодиагностики. Социодиагностика – это деятельность по выявлению причин того или иного социального состояния, по сбору информации относительно данного состояния регулируемого объекта. Данные социодиагностики необходимы для того, чтобы: 1) обеспечить контроль за динамикой состояния занятости, чтобы предупредить возможные отклонения и начать как можно раньше коррекционную работу, 2) определить программу содействия занятости, предупреждения возможной незанятости «групп риска», 3) установить направление продуктивной занятости молодежи, содействовать молодежному предпринимательству,